
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

A.V. Ryazanov, M.V. Demidova
Discursive and Recursive Models
of Symbolic Capital Management
in Socio-Economic Systems

The specifics of functioning of the modern socio-economic systems at the institutional and habitus levels are analyzed. The increasing manipulative potential of the society management organization is revealed. The article suggests discursive and recursive models of symbolic capital management as mutually complementary models.

Key words and word-combinations:
P. Bourdieu, symbolic capital, discourse, recursive management model, habitus, institution.

Проанализирована специфика функционирования современных социально-экономических систем на институциональном и габитусном уровнях. Выявлен увеличивающийся манипулятивный потенциал организации управления социумом. Предложены модели дискурсивного и рекурсивного управления символическим капиталом в качестве взаимодополняющих.

Ключевые слова и словосочетания:
П. Бурдьё, символический капитал, дискурс, рекурсивная модель управления, габитус, институция.

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

А.В. Рязанов,
М.В. Демидова

МОДЕЛИ ДИСКУРСИВНОГО И РЕКУРСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Современная социальная динамика основана на совершенствовании информационно-коммуникативных технологий, изменяющих социальное пространство, социальную стратификацию, принципы мобильности. Это в свою очередь ведет к поиску новых способов организации общества. Без учета такого феномена, как «символический капитал», понимаемого его автором П. Бурдьё как «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы, в той же мере, в какой сам производится ей» [1, с. 231], сегодня невозможна организация и управление социально-экономическими системами. Клиентелой П. Бурдьё назвал «социальные отношения зависимости» [2, с. 272], строящиеся на основе стратегии накопления до-

верия, чести, направляемые и регулируемые габитусом как образом жизни социальной группы. Чем большее доверие вызывают репутация и имидж субъектов социума как главные способы не только материального производства, но и шоу-бизнеса и производства услуг в целом, тем большими будут «выгоды не только экономические, но и политические, культурные и другие» [3, с. 122]. Спонсорство, франшиза как техники управления имиджем организации – привычные явления современности, в которой экономические процессы отличаются преобладанием и оценкой их символично-капиталистической составляющей, а не только материальным производством.

Сегодня вопросы управления символическим капиталом в социально-экономических системах остаются малоизученными, что чревато социальными, экономическими, организационными и другими рисками. В целях их профилактики, минимизации и локализации, а также для повышения эффективности управления требуется разработка новых возможных методологических подходов и моделей управления символическим капиталом. Для достижения этой цели проясним особенности современных социально-экономических систем.

Специфика современного социального взаимодействия состоит в том, что оно строится исходя из «опыта, зафиксированного в знании, содержащем оценки воспринимаемых единиц социума; на основании этих оценок делаются выводы о количестве и качестве символического капитала» [4, с. 92]. В социальной стратификации такого общества выделяются «два базовых класса: *символические капиталисты* (те, кто уже имеет символический капитал) и *символические рабочие* (те, кто его только начинает зарабатывать)» [5, с. 77]. Богатство символических капиталистов не обязательно измеряется в денежном эквиваленте, а «в первую очередь наличием у них символического капитала как кредита доверия и спецификой его реализации» [6, с. 18].

Ключевым понятием для понимания специфики символического капитала является понятие «доверие» как «установка личности на то, чтобы поручить себя кому-то или признать что-то без процедуры убеждения, например, доказательства. ...Это особый вид подчинения – подчинение авторитету» [7, с. 5]. В философском смысле доверие может быть нереплексивным и рефлексивным. Рефлексия выступает в качестве деятельности самопознания, она есть осознание окружающего мира. Основной сферой функционирования *рефлексивной формы символического капитала* является институциональный уровень социума, где в качестве главного регулятора социального взаимодействия выступают формальные нормы, зафиксированные в правовой системе. По определению П. Бурдьё, «институция, понимаемая как то, что уже институировано, эксплицировано, производит одновременно эффект содействия и подтверждения законности и в то же время – ограничения и лишения прав» [2, с. 182]. *Нереплексивная форма символического капитала* является «социальной стратегией на уровне габитуса, где главным условием отношений выступают ценности, выраженные в традициях, обычаях, ритуалах в качестве нереплексивных индивидуальных и коллективных

социальных практик» [8, с. 91]. «Принципом функционирования габитуса выступает *наличие социального доверия*, а принципом функционирования институции – *наличие контроля*, то есть *принцип социального недоверия*» [4, с. 94].

С этих позиций очевидна эпистемологическая специфика современных социальных отношений; она напрямую связана с социальным познанием, в котором определяющее значение имеет символический капитал как стратегия накопления кредита доверия в процессе социального взаимодействия. В качестве коммуникативного посредника между членами социума выступает язык, позволяющий реализовывать стратегию символического капитала, а также выполнять функции социализации, трансляции знаний и человеческого опыта в целом, в связи с чем сферой действия символического капитала выступает информационное социальное пространство. Следовательно, модели управления символическим капиталом полностью или аспектно будут иметь информационные характеристики.

В современной философии управления понятие «управление» интерпретируется как «преобразующая и направляющая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая достижение поставленной цели» [9, с. 60]. Следовательно, основными структурообразующими элементами процесса управления являются «объект, субъект, цели, средства, результаты, условия» [9] и контекст. Исходя из приведенных рассуждений, М.В. Демидова ранее схематично предложила три типа моделей управления символическим капиталом: габитусные, институциональные и смешанную [4]. Такая типология моделей основана на принципах функционирования двух уровней социума – габитуса и институции. Главным отличием габитусных моделей управления символическим капиталом выступает их неинституциональное воспроизводство. В рамках данной работы обратимся к более подробному объяснению функционирования двух моделей, входящих в число габитусных, – *дискурсивной и рекурсивной*.

Модель дискурсивного управления символическим капиталом. Проблема дискурсивного управления в настоящее время составляет предмет интереса многих гуманитарных наук, поэтому сложились разные подходы к определению понятия «дискурс». Применительно к нашему случаю в рамках коммуникативного подхода данное понятие может быть определено как «запечатленный в вербальных и невербальных знаках процесс взаимодействия людей» [10, с. 13]. При таком подходе хорошо видна связь между речью и последующим взаимодействием людей.

По мнению О.Л. Михалевой, «дискурс – это одновременно и процесс и результат (в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо)... Дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но проектирующий и сотворяющий его» [11, с. 21]. Классические социальные конструктивисты П. Бергер и Т. Лукман

подтверждают эту точку зрения, отмечая, что язык «реализует мир в двояком смысле слова, он его постигает, и он его производит» [12, с. 104]. По аналогии с понятием «социальное конструирование» С.Н. Плотникова вводит понятие «дискурсивное конструирование», «базирующееся на положении о том, что в процессе конструирования мир создается говорящим или пишущим как «мир-со-мной...» [13]. Таким образом, дискурс связывает язык с социальной деятельностью, которая не может быть реализована без предварительного ее «проговора» в виде определенного дискурса или их взаимодействия.

На первых этапах существования человека, в рамках первобытных коллективов, дискурс организовывал людей, заставлял их мыслить и действовать в соответствии с ним. Связанная с ним «понятийная сетка» ориентировала людей в физическом и социальном пространстве, задавала цели и тем самым оказывала существенное влияние на жизнь человека и коллектива. По мере накопления изменений в обществе дискурсы дробились, некоторые из них становились более развитыми, совершенствовались. В их рамках фиксировалось усложнение социальной организации общества и формировались модели будущего развития. Если говорить о современности, то дискурс создает определенный настрой, способствует агрегации интересов и консолидации социальных групп через формирование особого языка понимания и описания происходящего и через обоснование места группы в структуре того или иного социума.

Функционирование символического капитала как культурного феномена можно проследить с древнейших времен, со времен становления человека современного вида. В ранний период символический капитал складывался стихийно, никто специально не работал над его созданием. Он помогал выживать социуму, так как связывал его членов кругами доверия и взаимных обязательств. Поскольку владение им давало индивидам определенные преимущества, то постепенно возникло осознание необходимости сознательного его конструирования. Одним из возможных средств такого конструирования является распространение или фабрикация доверия как необходимого элемента его функционирования с помощью развития и продвижения того или иного дискурса. Именно дискурс выступал тем средством, которое позволяло оказывать на соплеменников убеждающее (иногда суггестивное) воздействие и вызывать доверие. Особенно эффективно это получалось в случае с магами, шаманами, деятелями культа. Владение разными дискурсами и соответствующими социальными практиками повышало адаптивность индивида. Сама принадлежность к группе может быть связана с использованием определенного дискурса, служащего в таком случае своеобразным паролем, помогающим отличать своих от чужих. И в истории, и в современности дискурс нацелен на осуществление социального контроля в рамках определенного коллектива, участвуя в распределении и перераспределении власти и являясь средством легитимации социального порядка.

Дискурс зависит от многих факторов-обстоятельств и сам оказывает обратное воздействие на эти факторы. Он задает «возможность его формирования и

последующего развития, и одновременно дискурс создает определенный настрой, способствует агрегации интересов и консолидации социальных групп через формирование особого языка для описания происходящего и через обоснование места группы в структуре того или иного социума» [14]. Появление или развитие новых дискурсов переконфигурирует дискурсивное пространство, что через какое-то время может вызвать изменения в пространстве социальном.

Как модель управления, дискурсивная модель представляется наиболее распространенным и эффективным способом воздействия на управляемых, так как коммуникация подразумевает обмен сообщениями, а без этого невозможно ни одно коллективное действие. Дискурсивное управление может быть нацеленным на реципиента как на конечную цель либо как на средство для достижения какой-либо цели. В последнем случае управление будет манипулятивным.

Дискурсивное управление символическим капиталом подразумевает целенаправленное влияние на сознание и восприятие потенциальных управляемых, потенциальных потому, что они об этом могут не догадываться. В условиях распространения технологий такого влияния, символический капитал может достаточно долго симулироваться, искусственно накапливаться, отодвигая носителей реального символического капитала от должного положения в обществе, шире – от власти.

С распространением современных средств массовой коммуникации, появлением новых гуманитарных технологий опасность перехода к манипулятивным технологиям управления становится весьма вероятной. В результате происходит систематическое нарушение эквивалентности информационного (дискурсивного) и реального пространств. Ранее устоявшиеся индивидуальные и коллективные габитусы начинают быть подвижными и видоизменяются [1, с. 105]. Симулятивный символический капитал представляет собой не что иное, как обманку, которая помогает индивиду пользоваться незаслуженным символическим капиталом ради достижения тех или иных целей.

Таким образом, дискурсивное управление в социальной сфере означает, что «действия порождаются сознанием и воспроизводятся социальными структурами. Новое интеллектуальное поле дает начало социальным изменениям, которые в свою очередь ведут к изменениям в экономической, политической и других системах» [4, с. 95]. Можно выделить два вида дискурса: 1) институциональный, апеллирующий к формальным общесоциальным нормам, выраженным в правовой системе, и 2) габитусный, отличающийся ориентацией на достижение личных целей, обусловленных соответствующими ценностями, и имеющий большой манипулятивный потенциал. Так как социум – это совокупность индивидов, то их личные интересы могут реализовываться и на институциональном уровне, а поэтому дискурсивное манипулирование нацелено, как правило, на конструирование доверия, осуществляемого и с помощью институционального дискурса, и с помощью габитусного. *Такое управление тем успешнее, чем большее доверие вызывает дискурс.*

Модель рекурсивного управления символическим капиталом. Данная модель управления символическим капиталом более эффективна. Она обратна дискурсивной, поскольку при таком управлении не действия порождаются сознанием, а, наоборот, мышление и поведение возможны благодаря воспроизводству условий их осуществления, то есть благодаря фактической деятельности индивидов. Это уменьшает вероятность социального манипулирования.

Понятие «рекурсия» (от лат. *recursio* – возвращение) будем использовать в значении, предложенном современным английским социологом А. Гидденсом. Он заимствовал его из математики и впервые применил в качестве методологического принципа к исследованию социальных процессов. Причина такого заимствования – функциональное понимание сути математических и социальных действий что, в свою очередь, связано, на наш взгляд, с попыткой объяснения А. Гидденсом социальных действий в качестве фактов [15], что ранее предпринималось также социологом Э. Дюркгеймом. Нельзя исключить большую вероятность влияния на А. Гидденса и идей Э. Кассирера (их современника), который отводил понятию «функция» ключевую роль в понимании деятельности индивидов; он отождествил понятия «знак» и «символ», сведя их к функции, то есть к пониманию в качестве мыслительных посредников, «конструирующих предметы через отношения» [16, с. 89]. Считаем, что понятие «функция» (от лат. *functio* – исполнение, осуществление), по сути, обозначает процесс. Она может быть либо идеальной, либо физической; либо фиктивной, либо фактической. Данные характеристики функции зависят от контекста ее применения.

«Рекурсивный принцип – это принцип самовоспроизведения и одновременного усложнения системы» [17, с. 23]. Понимание движения рекурсивности в социальных системах позволяет понять процессы смыслообразования социальных действий, то есть фактов. В современной науке понятие «факт» имеет несколько значений: «1) объективное событие, результат, относящийся к объективной деятельности (факт действительности) либо к сфере знания и познания (факт сознания); 2) знание о каком-либо событии, явлении, достоверность которого доказана (истинна); 3) предложение, фиксирующее знание, полученное в ходе наблюдений и экспериментов» [18, с. 122–123]. Но, несмотря на справедливость данной классификации, любые «факты всегда даны в свете теоретических понятий, которые преобразуют экспериментальные данные в неиндуктивные символические конструкции» [19, с. 159]. Поэтому ключевым принципом управления с помощью рекурсии как самовоспроизведения реальности социальной системы является соответствие знания о факте наличию самого факта, удостоверяющего в своей реалистичности. Механизмом, на наш взгляд позволяющим достичь подобного доказательства, является фактофиксация.

Исторически фактофиксация представлена в виде документа, снабженного для доказательства своей подлинности обязательными маркерами: подписью, печатью, оттисками предметов на бумаге или другом материальном носителе, а

также прочими знаковыми способами доказательства причастности участников к социальному факту. Сегодня под официальным документом понимается «информация, зафиксированная на материальном носителе, с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [20]. Документированная информация, «помимо общих функций, таких как информационная, коммуникативная и социальная, реализует правовую функцию» [21, с. 46]. Поэтому существуют еще и неофициальные документы, в качестве которых, например, для юридической науки и практики выступают любые результаты фактофиксации вне зависимости от наличия или отсутствия реквизитов, позволяющих идентифицировать документ: записки, предметы и прочее. С этих позиций очевидно разделение социальных фактов на официальные и неофициальные, то есть зафиксированные в официальном или неофициальном документе как источнике информации. Официальная информация, согласно законодательству Российской Федерации, трактуется как «информация (в том числе документированная), созданная в пределах своих полномочий государственными органами, органами местного самоуправления... либо поступившая в указанные органы» [22].

В контексте нашего исследования официальная информация воплощается в институции. По определению П. Бурдьё, «институция, понимаемая как то, что уже институировано, эксплицировано, производит одновременно эффект действия и подтверждения законности и в то же время – ограничения и лишения прав» [2, с. 182]. Например, факт заключения брака как социального института фиксируется в официальном документе «Свидетельство о браке», факт рождения ребенка – в «Свидетельстве о рождении», достижение ребенком взросления на определенном этапе фиксируется получением паспорта. Придание социальным единицам того или иного документально зафиксированного статуса означает закрепление за гражданином определенных социальных норм и обязанностей. Институализация социальных фактов позволяет регулировать их посредством социальных норм, выраженных в праве и других институциональных регуляторах. Отсутствие документа, фиксирующего социальный факт, в рамках такой системы может свидетельствовать и об отсутствии факта, а соответственно, о невозможности его институционального регулирования.

Данные рассуждения показывают взаимосвязь моделей дискурсивного и рекурсивного управления. Это обусловлено тем, что главная функция документа – информирование о факте. Оно осуществляется в знаково-символической форме. Придание социальной значимости информации осуществляется людьми, ее воспринимающими и взаимодействующими и на институциональном, и на габитусном уровнях общества. Поэтому социальная информация может быть рефлексивной и нерефлексивной. Более того, она может фиксироваться рефлексивно и нерефлексивно.

Нерефлексивная фактофиксация осуществляется посредством личного участия человека в процессе фактофиксации и отличается в большей степени субъективной оценкой социальных фактов. В связи с этим она обладает манипулятивным потенциалом: распространением слухов о событии или даже его придумыв-

ванием, намеренным или ненамеренным субъективным искажением информации о факте для достижения определенной цели.

Рефлексивная фактофиксация максимально объективна в том случае, если осуществляется безлично (например, компьютерными программами), поэтому не содержит субъективных оценок, мнений. Безличная фактофиксация в большей степени обеспечивает подлинность представляемой информации. Для обеспечения максимальной подлинности представления информации дополнительно рекомендуем усилить контроль за процессами обеспечения безличной фактофиксации; он будет более объективным, если использовать безличные средства контроля, а лучше – их сети. Такая система минимизирует возможности осуществления коррупционных действий, дезинформации, манипуляций информацией и, соответственно, повысит уровень доверия к владельцу информации.

Таким образом, в отличие от модели дискурсивного управления символическим капиталом, чреватой неоднозначностью понимания интерпретируемых событий по причине пренебрежения опорой на факты и доказательства реальности событий, явлений и процессов, модель рекурсивного управления символическим капиталом в первую очередь основана на социальной реальности. Главный инструмент реализации такой модели – фактофиксация, представленная в виде документирования явлений, событий, процессов. Применение данной модели управления символическим капиталом в социально-экономических системах позволяет повысить эффективность управления, нивелировав риски социальной симуляции, манипулирования информацией посредством повышения уровня доверия к организации управления социально-экономическими процессами.

Проведенное исследование выявило увеличивающийся манипулятивный потенциал организации современных социально-экономических процессов. Его причина – слабый контроль, обусловленный недостаточной опорой на фактические аспекты организации социально-экономических процессов. Применение новых моделей управления символическим капиталом – дискурсивной и рекурсивной – может способствовать повышению эффективности управления.

Сама по себе модель дискурсивного управления символическим капиталом квалифицирована как габитусная, так как ее воспроизводство обеспечивается посредством личного участия человека в процессе институализации и отличается в большей степени субъективной оценкой социальных фактов, обусловленной габитусными ценностями. Но она также может осуществляться и на институциональном уровне функционирования социума в том случае, если дополняется моделью рекурсивного управления, строящейся на принципе безличного, а поэтому более объективного фактического обоснования дискурса. Модель рекурсивного управления символическим капиталом в чистом виде пока не получила широкого развития на институциональном уровне социума. Осуществляются лишь некоторые попытки, например разработка системы электронного документооборота, максимально соотношенного с реальными социальными процессами. Сегодня она чаще применяется на уровне габитуса. Модели дискурсивного и рекурсивного управления символическим капиталом взаимо-

дополняют друг друга. Приоритет в управлении принадлежит все же модели рекурсивного управления, уменьшающей возможности манипулирования информацией и социального симулирования посредством соотнесения с реальностью, что способствует повышению уровня доверия к организации управления социально-экономическими процессами и воспроизводству социальной системы.

Библиографический список

1. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства. М., 2007.
3. Демидова М.В. Единицы измерения и ликвидность символического капитала: социально-философский подход // Вестник ПАГС. 2014. № 2 (41). С. 117–124.
4. Демидова М.В. Модели управления символическим капиталом // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). С. 91–98.
5. Демидова М.В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: социально-философский подход // Известия Томского политех. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 325, № 6. С. 75–80.
6. Демидова М.В. Социально-философские аспекты управления символическим капиталом // Инновации в науке: мат-лы XVI междунар. заоч. науч.-практ. конф. Ч. 2. Новосибирск, 2013. С. 15–25.
7. Невважай И.Д. Знание, вера, доверие и научное образование // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 3. С. 3–6.
8. Демидова М.В. Социальные риски в условиях символического капитализма: философия и методология исследования // Вестник ПАГС. 2014. № 5 (44). С. 87–92.
9. Диев В.С. Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 59–66.
10. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. М., 2011.
11. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
13. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГПУ. 2014. № 5. С. 41–46.
14. Рязанов А.В., Фролова С.М. Дискурс и повседневность // Власть. 2014. № 6. С. 63–68.
15. Giddens A. The Constitution of Society: The Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
16. Демидова М.В. Теория человека Э. Кассирера // Власть. 2007. № 1. С. 88–91.
17. Зайченко М.А. К проблеме присутствия рекурсивного принципа в феноменах-конструктах философии // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2010. Т. 4, № 4. С. 23–26.
18. Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д, 1999.
19. Мартынович С.Ф. Структура научного знания // Темы философии науки. Саратов, 2010. С. 153–169.
20. ГОСТ 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. постановлением Госстандарта РФ от 27 февр. 1998 г. № 28). М., 1998.
21. Ермолаева А.В. Документирование деятельности органов государственной власти (традиционные и современные технологии) // Власть. 2010. № 1. С. 46–49.
22. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ (в ред. от 11 июля 2011 г. № 200-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776; 2011. № 29. Ст. 4291).